

Краткое содержание:

Они лечатся. Они выздоравливают.

Но исцеление Сливающейся Пары — непростая задача, и Вэнь Цин медленно расплачивается за это.

О, и Вэй Усянь склонен к драматизму в самые неподходящие моменты.

После второго покушения — прямо в сердце Цинхэ — Не Минцзюэ вышел на тропу войны.

Поскольку доказать связь убийцы с нанимателем было невозможно (даже пресловутый листок бумаги тот получил не лично, а через посредника, как и описание цели и инструкции), предъявить официальные обвинения Гуаншаню не представлялось возможным. Подозрения в отношении главы Ордена Цзинь были словно листья на ветру, когда дело доходило до отправления правосудия. Поэтому, вместо требования справедливости, Цинхэ перешёл к обороне — обороне Не, которая никого не оставляла неприкосновенным.

Теперь никто не мог пройти через ворота цитадели без тщательного обыска и допроса, что раздражало несколько более мелких кланов, присягнувших на верность Цинхэ. Но, несмотря на своё раздражение и ворчливость, эти маленькие кланы ничего не могли с этим поделать. Какими бы назойливыми они ни были, Не Минцзюэ отказывался слушать любого, кто жаловался на ограничительные меры, напоминая всем, у кого было лишнее дыхание, что они были в его доме, на его земле, и что они подчинятся этим строгим требованиям, если захотят войти в Цинхэ (и не только на территорию цитадели, но и в город по соседству).

Цзинь Цзысюань после нескольких дней раздумий решил не возвращаться в Ланьлин, а остаться в Цинхэ. Хотя Не Минцзюэ приподнял бровь, услышав об этом, он не был против всего, что могло бы разозлить Цзинь Гуаншаня; он и без того продолжал искать любые способы доставить неудобства этому человеку, а позволение его сыну остаться в Цинхэ вместо того, чтобы вернуться домой, наверняка вызовет раздражение наглого и жадного до власти ублюдка.

Тем временем, закрывшись в Комнате Исцеляющего Лотоса, целительница и двое её высокопоставленных помощников погрузились в рутину. Лань Сичэнь вставал раньше всех и приносил завтрак, а также очередные новые лекарства, которые составлял Вэнь Нин, в попытке уберечь руки своей сестры от более худшего состояния. К тому времени, как он возвращался, пробуждался ото сна Цзян Чэн, и его частенько можно было обнаружить заваривающим чай. Оба главы позволяли Вэнь Цин спать как можно дольше, если только чрезвычайная ситуация не требовала её внимания.

Целительница обычно присоединялась к ним за завтраком до того, как кто-то из них

заканчивал трапезу. Она больше не могла пользоваться палочками, и во время еды ей приходилось мучиться с ложкой, но, хотя девушка восприняла это с неудовольствием и ворчала себе под нос, она редко действительно жаловалась.

После завтрака Цзян Чэн приносил корзину с бинтами, кремами и мазями, и, позволяя Вэнь Цин бурчать о том, что все с ней постоянно нянчатся, терпеливо обрабатывал её ладони и предплечья. Затем Лань Сичэнь поливал чистое полотенце горячей водой до тех пор, пока оно не становилось влажным и тёплым, и накрывал им плечи Вэнь Цин — тепло не давало её мышцам сжиматься в течение дня, чего она не ожидала.

И хотя весь этот утренний ритуал сопровождался шквалом язвительных замечаний со стороны языкастой целительницы, Вэнь Цин всегда чувствовала себя лучше после него — она часто улыбалась, с какой-то растерянной благодарностью в глазах, пока они убирали со стола.

Затем следовали регулярные передачи энергии. Если Вэнь Цин объявляла это срочным, она обычно выбирала одного из них, чтобы начать, и не позволяла им спорить. Но, если, проверив Пару, она сообщала, что у них всё хорошо, Лань Сичэнь и Цзян Чэн выбирали первую жертву через вэйци* — первый, кто потеряет территорию три раза подряд, должен был упасть на раскладушку и позволить хихикающей Вэнь Цин использовать свою энергию. Однако, что более важно, победитель имел право выбора чая!

После одного провального матча с Вэнь Цин, — целительница возражала против их выбора чая и решила оспорить его, потому что ненавидела этот сорт, а оба главы согласились позволить ей побороться — который она выиграла так же, как лечила: злобно эффективно и дико нетрадиционно, они больше никогда не сражались с ней за право выбрать чай, а бросали ей вызов только ради забавы...

После полудня Цзян Чэн приносил обед, в то время как Лань Сичэнь смазывал новые ожоги целительницы мазью, попутно тщательно проверяя её общее состояние, не ухудшалось ли оно, и, если погода располагала, все трое наслаждались едой на дорожке у открытой двери.

Остальную часть дня заполняли дела Орден, тренировки и исследования. Цзян Чэн, хоть и не руководил Пристанью Лотоса, регулярно просматривал отчёты, которые присылала его сестра, и писал для неё свои замечания и рекомендации. Лань Сичэнь тратил приличное количество времени, уклоняясь от расспросов своего дяди — ему ещё предстояло рассказать Лань Цижэню о судьбе, постигшей его младшего племянника. Облачные Глубины нуждались в том, чтобы в период их восстановления их временный глава оставался сильным, целиком погружённым в дела Ордена, а не отвлекался на ужасную ситуацию, происходящую в настоящее время в Цинхэ.

Ближе к вечеру в Комнате Исцеляющего Лотоса, как правило, появлялся Вэнь Нин. Обычно он приносил ужин — для него это был способ проведать сестру и друзей, не чувствуя себя не в своей тарелке. Раз в неделю он также подолгу втирал то или иное новое лекарство в руки своей сестры. А когда ужин был убран, и Вэнь Нин возвращался к другим обязанностям, которые его ожидали, у них происходила ещё одна, последняя передача энергии. День заканчивался тем, что Лань Сичэнь клал тёплое полотенце на спину и плечи Вэнь Цин, а Цзян Чэн проверял её

руки.

В хорошие дни они проводили ночь, наслаждаясь чаем, беседой, вэйци, музыкой или просто дружеской тишиной. В плохие дни они обычно валялись в изнеможении на ближайшую мягкую поверхность, не заботясь о приличиях, а лишь желая унять непрекращающийся, изматывающий стук в висках — только крепкое товарищество делало жизнь терпимой в такие дни.

В конце четвёртой недели пребывания в Цинхэ Вэнь Цин с удовлетворением сообщила Лань Сичэню и Цзян Чэну:

— Они вне опасности. Их тела полностью стабилизировались и начинают нормально заживать. Трещины в их костях срастаются, а их органы восстанавливаются. — Её глаза затрепетали, она явно боролась с очередным приступом истощения, и Лань Сичэнь положил ей на плечи влажное тёплое полотенце. Целительница благодарно улыбнулась: — Всё, что осталось, это исцелить их духовные пути и их суставы.

Оба главы ухмыльнулись, внезапно почувствовав облегчение.

— Это отличные новости. В последнее время они смогли начать есть более существенную пищу, поэтому я надеялся, что их органы исцелились, — прокомментировал лидер Облачных Глубин, массируя изгибы плеч Вэнь Цин, в то время как Цзян Чэн разбинтовал её руки и принялся наносить крем на многослойные ожоги.

— Порезы всё ещё на месте, — заметил Цзян Чэн, зачерпывая новейшую порцию мази, которую Вэнь Нин доставил накануне, пообещав, что она сведёт повреждения к минимуму.

— Они останутся, пока внутренние порезы полностью не заживут. Это зеркальное отражение их внутренних повреждений. — Свободной рукой Вэнь Цин провела по ключице Вэй Усяня. — Они также оставят на коже слабые шрамы. Это духовные травмы.

Лань Сичэнь глубоко вздохнул.

— Смогут ли они оставаться заклинателями после исцеления? — спросил он мягким, но серьёзным голосом.

Тема, которую никто из них не хотел обсуждать, теперь, наконец, была озвучена.

Вэнь Цин задумчиво склонила голову к плечу.

— В любом другом случае я бы однозначно сказала «нет». Ущерб, нанесенный их духовным каналам, огромен и, по сути, катастрофичен. Но это не совсем любой другой случай. — Она слабо улыбнулась. — Это звучит невероятно, но при всех разрушенных меридианах в их телах

по-прежнему есть энергия, и, на самом деле, она продолжает расти. – Вэнь Цин тихонько рассмеялась, глядя на вытянувшиеся лица Лань Сичэня и Цзян Чэна. — Они сливаются. И вся система Вэй Усяня состоит из энергии обиды — за что нам нужно быть благодарными прямо сейчас. Мне не приходится очищать их меридианы вдобавок к попыткам собрать их воедино.

— Ты говорила раньше, что их собственная энергия не лечит их, но теперь это так? — резко спросил Цзян Чэн. — Достаточно ли они восстановились, чтобы начать самоисцеление?

— Ничего подобного. Просто их собственные тела теперь могут медленно исцеляться сами по себе, как это было бы у обычных людей. Мы же можем сосредоточиться исключительно на их духовных каналах и на их суставах. — Лань Сичэнь убрал остывшее полотенце, и Вэнь Цин, откинувшись назад, расправила плечи, наблюдая, как Цзян Чэн складывает мази и бинты в корзину. — Если бы Лань Ванцзи согласился сотрудничать и позволил мне вылечить его напрямую, было бы легче, я была бы признательна за послабление. — Целительница покачала головой, воздерживаясь от тех проклятий, которые она обрушивала на Второго Нефрита за последние три недели.

— Должен быть какой-то способ вразумить его, — возразил Цзян Чэн.

Вэнь Цин бросила на него раздражённый взгляд.

— Мне бы очень хотелось увидеть, как ты пытаешься вырвать контроль над энергией у чрезмерно решительной и чрезмерно защищающей половины Сливающейся Пары, одновременно справляясь с ожогами отвержения, — сказала она сухим, как пустыня, голосом. — Пожалуйста, вперёд, не стесняйся.

Цзян Чэн вскинул руки, сдаваясь:

— Ах, что ж, мы всё ещё в твоём распоряжении, целительница Цин. — Он попытался улыбнуться, но его улыбка больше походила на болезненную гримасу, и, вздохнув, глава Цзян потёр ноющие виски.

— Хорошо, тогда ты можешь прийти сюда и быть первым на этот вечер, — произнесла Вэнь Цин, её глаза сердито сверкнули, а улыбка стала острой.

Лань Сичэнь вмешался, прежде чем они начали «кусать» друг в друга.

— До вечера ещё несколько часов — нам всем нужно немного поесть и отдохнуть. А тебе нужно держать руки замотанными до первого вечернего звонка, — напомнил он целительнице.

Вэнь Цин хмыкнула.

— Шрамы останутся в любом случае, — пробормотала она.

— Да, но таким образом ты сохранишь способность пользоваться руками, — возразил Лань Сичэнь и приподнял бровь.

На это целительнице нечего было сказать, поэтому она просто фыркнула и, в знак молчаливой капитуляции, забинтованными руками подхватила чрезмерно большую чайную чашку, принесённую специально для неё.

Цзян Чэн закатил глаза и, подавив улыбку, так и норовящую растянуть уголки губ, налил ещё травяного чая Лань Сичэню и себе — они питались этим зельем, чтобы уменьшить пульсирующую головную боль, с которой часто сталкивались.

— Твой брат не будет так сильно ругаться, если ты будешь следовать его указаниям, — заметил он. — Ты всегда в кислом настроении после того, как он приходит и читает тебе лекции.

— Да, а вы двое только поощряете его, — недовольным тоном ответила Вэнь Цин, и Цзян Чэн фыркнул:

— Слушая твоего брата, я припоминаю твои лекции о проблемах со здоровьем.

Вэнь Цин сузила глаза:

— Я целительница, Ваньинь. Это моя работа.

— Тогда ты должна следовать своему собственному совету, целительница Цин.

Лань Сичэнь просто откинулся на спинку кресла и наслаждался их пререканиями, заполнявшими пространство между сном, исцелением и истощением. Спустя месяц с лишним товарищеская ссора этих двоих стала утешением, успокаивающим бальзамом против беспокойства за брата и свой Орден.

* * *

Через четыре с половиной недели после того, как её братья прибыли в Цинхэ, Цзян Яньли въехала в ворота цитадели. Только она и пара доверенных заклинателей Ордена Цзян в качестве сопровождения (и сумка несрочных свитков для Цзян Чэна). Она легко прошла обязательный досмотр и направилась в зал приёмов, где грациозно приветствовала Не Минцзюэ.

— Дева Цзян, я верю, что в Юньмэн всё хорошо, — произнёс тот, подводя свою гостью к столику с чаем.

— Да, спасибо за заботу, глава Не. Юньмэн Цзян успешно восстанавливается и вскоре должен

снова стать активным участником мира совершенствования. Надеюсь, мои братья не доставили слишком много хлопот? — Цзян Яньли сделала глоток чая и улыбнулась от удовольствия.

— Поскольку один без сознания, а другой в основном заперт в Комнате Исцеляющего Лотоса, они почти не беспокоят, — благодушно проговорил Не Минцзюэ и оглянулся, услышав топот крошечных ножек. — А-Юань, где твоя бабушка?

Цзян Яньли посмотрела на дверь и с удивлением обнаружила на пороге маленького мальчика, одетого в чистую однотонную одежду, с аккуратно уложенными и собранными наверх волосами. Его глаза были сердитыми, а лицо таким упрямым, каким только может быть лицо маленького ребёнка.

— Нет! Бабушка скучная, не хочу больше убираться! — Он топнул ногой, и Цзян Яньли пришлось скрыть ухмылку в рукаве мантии.

Не Минцзюэ вздохнул:

— Ты не можешь бегать, где попало, А-Юань, твои бабушка, тётя и дядя будут волноваться.

Теперь, когда глава Не вступил с ним в разговор, Вэнь Юань был уверен, что пока его не схватят и не унесут, поэтому он вошёл в зал и громко заявил:

— Я хочу к дяде Нину! Где дядя Нин?

Цзян Яньли улыбнулась ему.

— Привет, А-Юань. Я думаю, что твой дядя Нин сейчас очень занят, но не хочешь ли ты поболтать со мной? — Она поманила маленького ребёнка рукой, и тот посмотрел на неё, сузив глаза.

— Я не знаю, кто ты! — заявил он и скрестил руки на груди, явно кого-то копируя. — Тётя Цин говорит не разговаривать с людьми, которых я не знаю.

— Это очень умно. Что ж, А-Юань, меня зовут Цзян Яньли. Очень приятно познакомиться. — Она легко поклонилась ему, и малыш придвинулся ближе.

— Цзян? Как дядя Цзян что с тётей Цин? — А-Юань моргнул, глядя на неё.

— Это мой младший брат, — объяснила Яньли и улыбнулась.

Её слова заставили Вэнь Юаня на мгновение задуматься.

— Хорошо. Но я всё равно не хочу убираться. Моя бабушка заставляет меня убирать слишком много!

Цзян Яньли снова прикрыла улыбку рукавом:

— Ладно, А-Юань, не нужно убираться. Ты можешь вместо этого показать мне окрестности, так как я здесь новенькая. — Она посмотрела на Не Минцзюэ. — Если Вы не против, глава Ордена Не.

Не Минцзюэ только отмахнулся:

— Не волнуйтесь. У меня здесь много дел. Мы можем поговорить позже. Кстати, целительница Цин должна прийти на ужин сегодня вечером.

Цзян Яньли кивнула:

— Я буду там. Спасибо, что позволили моим братьям остаться так надолго. — Она встала и глубоко поклонилась. — Вам должно быть приходится нелегко, имея в гостях так много глав Орденов.

— Лучше здесь, где я могу найти их, чем где-то на улице, где это будет проблематично, — скромно проговорил Не Минцзюэ. — И я не могу просто взять и вышвырнуть тех двоих, которые спасли всех нас. — Он коротко улыбнулся. — Мы поговорим позже, а потом Вы сможете рассказать мне последние новости из Юньмэна.

Цзян Яньли улыбнулась в ответ:

— Хорошо. А теперь, А-Юань, почему бы тебе не показать мне окрестности? Я давно не была в Цинхэ и, держу пари, здесь многое изменилось. — И она вывела маленького мальчика из зала, оставив Не Минцзюэ в одиночестве.

Глава Не провёл ладонью по лицу и вернуться к многочисленным проблемам, с которыми он столкнулся, став главным заклинателем мира совершенствования.

* * *

Не прошло и дня с тех пор, как Цзян Яньли прибыла в Цинхэ, как Вэй Усянь внезапно резко сел и невидящими глазами огляделся по сторонам. Рука Лань Ванци тотчас судорожно дёрнулась, и иссиня-чёрная энергия окружила демонического заклинателя, обвивая его плечи и волосы.

Вэнь Цин вскочила на ноги, неуверенно разрываясь между желанием потянуться вперёд,

чтобы проверить его, и опасением, что её прикосновение вызовет какую-нибудь нежелательную реакцию.

— Вэй Усянь? — Цзян Чэн, разбуженный тычком Лань Сичэня, стряхнул с себя сон, вскочил на ноги и двинулся вперёд. — Вэй Усянь? Ты слышишь меня?

— Не подходи слишком близко, — предупредила Вэнь Цин. — Он ещё не должен проснуться, его духовные каналы всё ещё слишком повреждены. Мы не знаем, как он может отреагировать.

Цзян Чэну потребовалась вся его сила воли, чтобы остановиться. Он стоял рядом с Лань Сичэнем, и его глаза были полны беспокойства, которое он был не в силах выразить словами.

Глава Лань успокаивающе положил руку ему на плечо и посмотрел на целительницу:

— Почему он не спит? Если он не должен вставать...

Вэнь Цин сузила глаза:

— Я не уверена, но это может быть вызвано тем, что Лань Ванцзи вложил в него слишком много энергии, и это заставило его проснуться.

— Что это значит? - требовательно спросил Цзян Чэн.

— Это значит, что он нестабилен! - приглушённо рыкнула Вэнь Цин.

Их разговор длился всего несколько мгновений, но он словно подтолкнул Вэй Усяня к действиям, и тот принялся дёргать себя за запястье, сбитый с толку тем, что не может притянуть руку к себе.

Затем его глаза расширились, когда он понял, что его рука связана с рукой Лань Ванцзи, и его глаза метнулись вверх, пока не остановились на лице Второго Нефрита, а потом медленно заскользили вниз к его груди, его рукам, ногам, вспыхивая красным при виде многочисленных порезов, испещряющих всё его тело.

— Лань Чжань... Лань Чжань... — Голос Вэй Усяня прозвучал резко и хрипло, в нём отчётливо слышалось отчаяние, а свободная рука его слабо вздрагивала, пока он пытался решить, стоит ли прикасаться к возлюбленному или нет. — Лань Чжань...

Вэнь Цин шагнула ближе:

— Вэй Усянь... ты слышишь меня?

Демонический заклинатель не показал никаких признаков того, что может слышать. Его ладонь, наконец, легла на щеку Лань Ванцзи.

— Лань Чжань... Лань Чжань... проснись, Лань Чжань. — Отчаяние в его грубом, скрипучем голосе пронзало до глубины души.

Эти слова были мольбами, которые лились в уши того, кто не мог их услышать. Цзян Чэн закрыл глаза и отвернулся, скрывая перекошенное от боли лицо за спиной Лань Сичэня, и пробормотал:

— Я не могу... не могу...

— Вэй Усянь, всё в порядке, ты в Цинхэ. Тебя и Лань Ванцзи лечат. Всё хорошо, Вэй Усянь, — произнесла Вэнь Цин тихим, мягким голосом, пытаясь достучаться до молодого человека, который, казалось, не обращал внимания ни на что постороннее. — Вы в Цинхэ, вы в безопасности, Лань Ванцзи в безопасности, вы лечитесь. Всё хорошо, Вэй Усянь. — Теперь она стояла рядом с демоническим заклинателем, на расстоянии вытянутой руки, но не потянулась к нему: мягкие, закручивающиеся щупальца смешанной сине-чёрной энергии заставляли её нервничать. — Ты в Цинхэ, с тобой всё в порядке, с Лань Ванцзи всё в порядке.

Казалось, её слова не оказали никакого влияния на Вэй Усяня, всё его внимание было сосредоточено на Лань Ванцзи, его свободная рука беспомощно порхала над заживающими, но все еще полуоткрытыми порезами на коже возлюбленного, а его глаза блестели от слёз.

— Лань Чжань, мне так жаль, Лань Чжань, мне так жаль.

— Вэй Усянь, он в порядке, он выздоравливает! — Цзян Чэн попытался вмешаться с таким же успехом, как и Вэнь Цин.

Когда из глаз Вэй Усяня потекли слёзы, сопровождающиеся шёпотом извинений и именем Лань Ванцзи, энергия, которая витала вокруг его тела, хлынула потоком во все стороны. Вэнь Цин, Лань Сичэнь и Цзян Чэн в мановение ока оказались прижаты к стене и прикрыли лица руками, спасаясь от кружащихся в вихре мелких предметов. Из-за этого они были вынуждены отвести взгляд от сливающейся пары в центре бушующего хаоса.

Они не видели, как чёрно-синяя энергия устремилась вверх, и в небе над цитаделью и городом стремительно сгустились мрачные тёмные тучи; как дождь застучал по крышам домов, отбивая тяжёлый, неумолимый ритм на глиняной черепице. Как земля снаружи быстро пропиталась водой, и образовались огромные лужи; как под аккомпанемент громовых раскатов десятки молний ударили в крыши домов, лавок и в торговые тележки и повозки, вызвав разрозненные пожары, едва сдерживаемые проливным дождём.

Цзян Чэн застонал, его спина превратилась в сплошную полосу боли.

— Что происходит? - прокричал он сквозь какофонию звуков. — Он жив?!

Лань Сичэнь был так близок к тому, чтобы закатить глаза, как никогда раньше.

— Очевидно, дело в другом! Он не может мыслить ясно. Всё, что он видит, — это Ванцзи, весь в ранах и без сознания! — Ещё один удар молнии сотряс комнату, и, отведя ладони от лиц, заклинатели сквозь распахнутое окно увидели, как вспыхнула крыша ближайшего к ним строения. — Нам нужно сосредоточиться на том, чтобы успокоить его!

— Как именно мы собираемся это сделать? — крикнул Цзян Чэн в ответ. — Хочешь подобраться достаточно близко, чтобы узнать, что может произойти?

Лань Сичэнь разочарованно поморщился, а Вэнь Цин раздражённо рявкнула:

— Вы двое можете спорить, или вы можете помочь мне убедиться, что они не обрушат здание нам на головы, попутно сжигая половину Цинхэ дотла!

Цзян Чэн сглотнул:

— Что... что нам нужно сделать?

Вэнь Цин посмотрел на Лань Сичэня.

— Ты знаешь песни, вызывающие умиротворение? — спросила она, придвинувшись достаточно близко, чтобы говорить без крика. — Сыграй одну из них так громко, как только сможешь. Мне нужно добраться до успокоительного, которое не причинит слишком много вреда. Цзян Ваньинь, иди и помоги кому сможешь, попробуй ограничить ущерб и объясни всё Не Минцзюэ! — Она подождала, пока двое глав ответят ей кивками, а потом выскользнула за дверь.

Лань Сичэнь вытащил из рукава-цянькунь свою флейту, многозначительно посмотрел на Цзян Чэна и мотнул головой в сторону двери. Глава Цзян бросил последний взгляд на брата и покинул комнату. За его спиной тотчас зазвучала приятная успокаивающая мелодия.

Цзян Чэн огляделся. Горело больше, чем он ожидал, и люди выбегали под дождь, спасаясь от дыма, валившего из дверей и окон различных зданий. Целители носились как угорелые, проверяли дыхание пострадавших, раздавали нюхательные соли и масла от ожогов. Никто не обращал особого внимания на дождь, разве что шептали благодарность за то, что он предотвращает распространение огня.

Цзян Чэн вытащил из зданий троих детей, пожилого мужчину и двух молодых служанок, прежде чем в одном из дворов наткнулся на Не Минцзюэ.

— Что происходит? — закричал глава Ордена, покачивая на руке перепуганного, заплаканного маленького мальчика. — Что-то случилось с этими двумя?

— Вэй Усянь проснулся, увидел, что Лань Ванцзи без сознания и ранен, и испугался, — выдавил Цзян Чэн. — Это всё он, взбесившийся и паникующий. Лань Сичэнъ пытается вразумить его музыкой, а целительница Цин побежала за успокоительным. Нужно такое, что не причинит ему большого вреда. — Цзян Чэн нахмурился и разочарованно добавил: — Он ещё не должен был просыпаться. Он ещё недостаточно стабилен, чтобы бодрствовать, вот почему... — Он указал на ливень, пожары и хаос.

Не Минцзюэ зарычал.

— Что ж, давай разберёмся с этим, а с ними мы сможем справиться после того, как убедимся, что все в безопасности.

— Где моя сестра? - встревоженно поинтересовался Цзян Чэн.

— Она в порядке. Она с А-Юанем, его бабушкой и большинством слуг. Они под дождём, но в безопасности. — Не Минцзюэ остановил проходящего мимо заклинателя, передал ему ребёнка и, глядя на него сверху вниз, приказал: — Собери как можно больше людей в центральном дворе и постарайся их успокоить! - Отпустив заклинателя кивком, он посмотрел на Цзян Чэна: — Отправляйся в город и убедись, что люди там не слишком паникуют!

Глава Цзян неохотно кивнул и побежал к воротам. Его одежда промокла и стала тяжелой, но бегал он и в худшем состоянии, так что легко преодолел необходимый путь. В городе царил паника. Цзян Чэн постарался отыскать и организовать всех горожан, что ещё сохраняли спокойствие, и возглавил их в попытке уговорить всех остальных.

— Ищите раненых! - распорядился он, внимательно осматриваясь по сторонам. — Всех раненых немедленно направляйте в цитадель! Держитесь подальше от зданий и не разбредайтесь. Действуйте вместе. — Он метнулся в сторону горящего дома и помог молодой матери с ребёнком выбраться из окна. Отведя их подальше от здания, он вернулся к своим новоявленным подчинённым и продолжил отдавать распоряжения: — Не пускайте никого в здания, пока пожары не будут потушены!

— Что происходит?

— Что случилось?

— Эта буря пришла из ниоткуда!

— Это пришло от богов!

— Это от тех заклинателей, о которых все говорят!

— Это не может быть естественным!

— Половина города в огне!

Цзян Чэн слушал взволнованные крики горожан и мысленно костерил их на все лады.

— Жалобы сейчас не обезопасят вас! - наконец, взревел он, перекрывая гомон и ещё один раскат грома. - Лучше убедитесь, что все покинули здания, и отправьте раненых в цитадель!

Организовать горожан оказалось непросто. Люди дрожали под дождём, они устали, промокли и едва тащились в отяжелевших от дождя одеждах, пока добирались в безопасные места. Беспокойство и страх нарастали, поскольку дождь не прекращался, становясь всё сильнее и чаще.

Куда бы ни смотрел Цзян Чэн, всё, что он мог видеть, это тёмные, злые грозовые тучи, горящие крыши, молнии и дождь. Он мог только быть благодарным за то, что проливной дождь затушил большинство пожаров и достаточно намочил деревянные стены домов, чтобы затруднить распространение пламени.

Совершив бросок через город, глава Цзян вытащил ещё дюжину человек из тлеющих зданий и направил их на открытое пространство подальше от всего легковоспламеняющегося, а добравшись до ворот, он выглянул за стены и увидел, как клубящиеся чёрные тучи расходятся всё дальше и дальше, проливая дождь и сверкая молниями по небу.

Он собирался хорошенько всыпать Вэй Усяню за всё сотворённое им дерьмо, как только тот проснется и перестанет вызывать стихийные бедствия.

* * *

Вэй Усянь не мог видеть ничего, кроме Лань Чжэня; Лань Чжэнь лежал такой неподвижный, покрытый...

Лань Чжэнь был так ранен! Каждая часть его тела была изрезана, порезы усеивали его с ног до головы. Вэй Усянь не мог поверить... что сделал это. Он ранил Лань Чжэня! Энергия, которую он направил через себя в Печать, разорвала и Лань Чжэня...

Он не знал как, не мог понять как, но это не имело значения, когда улики лежали перед его глазами, под его рукой.

Его правая рука была крепко связана с рукой Лань Чжэня, стянута простой кожаной повязкой,

которая не поддавалась его рывкам, но он и не хотел, чтобы их разлучали. Он просто хотел приблизить Лань Чжэня, хотел прижать его к себе. Но его руки были слишком слабы, они не желали подчиняться, и его собственная энергия тоже не слушалась его.

Но когда он смотрел на лицо Лань Чжэня, такое неподвижное, такое ужасающее спокойное, всё, о чём он мог думать, было: «Я мог убить его. Он мог умереть. Это моя вина. Лань Чжэнь мог умереть из-за меня, он мог умереть из-за меня!»

Вэй Усянь положил ладонь на щеку Лань Ванцзи, его глаза затуманились от слёз, пока он пытался сообразить, куда смотреть.

— Лань Чжэнь... Мне так жаль, Лань Чжэнь, мне так жаль.

И когда его ядро закружилось в хаотической смеси ярости и боли, он не удосужился сдерживать этот поток, как не стал сдерживать и слёзы. Он почувствовал, как смешанная энергия, его и Лань Чжэня, вырвалась из него и вихрем устремилась вверх, рассекая воздух и изливаясь в небо над головой, и чувство вины захлестнуло его душу.

Он даже не заметил троих людей рядом с собой, или десяток — сразу за дверью, или сотни, тысячи — в городе. Ничего из этого не заметил, потерявшись в собственной боли.

И до тех пор, пока три маленьких булавочных укола не пронзили его шею сбоку, он продолжал барахтаться в море горя, в то время как его энергия разрушала мир вокруг него.

Когда сознание снова начало угасать, он крепко вцепился в Лань Чжэня, держась за него, пока сила, хотя и ограниченная, не оставила его пальцы, и чернота не поглотила его зрение.

«Лань Чжэнь... пожалуйста, живи... пожалуйста, пожалуйста, живи... Теперь я не могу жить без тебя Лань Чжэнь...»

Его голова упала на плечо Лань Ванцзи, и он снова растворился во тьме и беспмятстве, снова погрузился в бездну, в которой плавал раньше.

* Го (также вэйци, также бадук) — стратегическая настольная игра, возникшая в древнем Китае между 2000 и 200 годами до н. э

<http://bllate.org/book/13203/1177351>